

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

БЕСЕРМЯНСКИЕ ТЕРМИНЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ 'МАТЬ' И 'ОТЕЦ'

Среди удмуртских, татарских и русских поселений на северо-западе Удмуртской АССР проживают бесермяне — этническая группа, близкая по языку и культуре к удмуртам. По обозначению родственных отношений язык бесермян значительно отличается от других удмуртских диалектов. В предлагаемой статье мы рассматриваем в сравнении с другими диалектами два бесермянских термина кровного родства, которые обозначают понятия 'мать' и 'отец'.

Понятие 'мать' в бесермянском диалекте выражает слово *anaĵ*. Фонетический облик и значение этого термина совпадают с южноудмуртским *anaĵ* 'мать, мама'. В той же форме данный термин встречается в говорах удмуртов северной Башкирии.¹ В совершенно обособленной удмуртской деревне Канлы Чекмагушевского района Башкирской АССР понятие 'мать' выражается словом с измененным звуковым составом — *inəĵ*. Эта форма совпадает с башкирской *inəĵ* 'мать', распространенной в говорах восточных и северо-восточных районов Башкирской АССР.²

В Канлы нами зафиксирован также термин *innəĵ* 'свекровь, мать мужа', близкий по звуковому составу к *anaĵ*, *annaĵ* 'мать'. В форме *annaĵ* этот термин родства зафиксирован в некоторых удмуртских памятниках письменности XVIII века, например, в материалах исследователей того времени Г. Ф. Миллера³ и П. С. Палласа⁴. С удвоенным *n* данный термин отмечается в отдельных тюркских языках: чув., тур. *anne*, татар. *әннә*.⁵

В других удмуртских диалектах в значении 'мать' нами зарегистрированы следующие термины: слоб. *tat*, *timi*, *ti*, *tipij*; кос., сев. *ta*, *tarij*, *timi* (ласк.)⁶; тыл. *tata*, *pene*, *tatike* (ласк.); зав., ув. *teti*, *tete*, *tetej*, *ponoj*, *pepej*; В.-Ятчи *anaĵ*, *ani*, *anakaĵ* (ласк.).

¹ Мы вели записи терминов родства в дер. Большой Качак бывшего Калтасинского района и в дер. Конигово Янаульского района.

² Х. Г. Юсупов, Термины родства в башкирском языке. — Вопросы башкирской филологии, Москва 1959, стр. 124.

³ Г. Ф. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, а именно черемисов, чувашей и вотяков. — Ежемесячные сочинения, Санкт-Петербург 1756, стр. 119—145.

⁴ П. С. Паллас, Сравнительные словари всех языков и наречий ..., Санкт-Петербург 1787—1789.

⁵ Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков, Москва 1961, стр. 22.

⁶ На территории распространения северного наречия нами произведены записи в следующих населенных пунктах Удмуртии: дер. Бердаши, Нижний Укан Ярского района, дер. Ляпино, Солдырь, Нижняя Богатырка Глазовского района, дер. Бисарпи, Каравай Балезинского района, дер. Гонка, Коротай, Кездур Кезского района, дер. Каргурезь, Тюптишурйил Игринского района.

Б. Мункачи *anaj* в значении 'мать' отмечает в казанском (бывш. Мамадышский уезд) и елабужском диалектах.⁷

Обратимся к термину родства *ataj* 'отец, родитель, предок', который заключает в себе некоторую семантическую аналогию с *anaj* и также, как и последний, является одним из конкретных терминов кровного родства.

Понятие 'отец' по-бесермянски передается термином *ataj*. В том же фонетическом виде это понятие употребляется в южноудмуртских диалектах и в говорах удмуртов, проживающих в Башкирии. Термин *ataj* отмечен в рукописных словарях XVIII века, а также в письменных памятниках позднего времени, принадлежность которых определяется южными удмуртскими говорами.

Термины *anaj* и *ataj* в языке бесермян при обращении часто употребляются с суффиксами *-i*, *-ie* (*-ije*): *ani*, *anie* (*anije*) 'моя мать, моя мама', *ati*, *atie* (*atije*) 'отец, мой отец; папа, мой папа'. Суффикс принадлежности *-ie*, присоединенный к основам данных терминов, придает им также уменьшительно-ласкательный оттенок, притом конечный звук основы выпадает. Форма *ani*, *ati* зафиксирована нами также у каринских татар⁸ и касимовских татар (самоназвание — нукрат), проживающих по соседству с бесермянами в Балезинском и Глазовском районах Удмуртской АССР.

Характерно, что при обращении, особенно вежливом, к *ani* и *ati* присоединяется формант *-j*: *anij*, *lek moñnam* 'мамочка, подойди ко мне'; *atij*, *tone no nu šerad* 'папочка, возьми и меня с собой'. Кроме того, для выражения ласкательного оттенка у бесермян употребляется суффикс *-ka*: *anika* 'мамочка, маменька', *atika* 'папочка, тятенька'. Двойной суффикс *i + ka* усиливает степень «ласкательности».

Исследователи тюркских языков отмечают широкое употребление уменьшительно-ласкательного суффикса *-ka*, *-ke*, *-kä*. Так, Л. А. Покровская в указанной работе приводит формы, встречающиеся в словаре В. В. Радлова: *ānäkä* 'матушка' (при обращении); совр. узб. *энага* 'кормилица'; алт. *энеке* 'матушка'; казах. *энеке* — ласкательное обращение молодой женщины к матери мужа; кирг. *энеке* 'мамаша' и т. д.⁹ Бесермянскую форму *anika* мы считаем заимствованием из татарского языка. Здесь, вероятно, мы имеем дело с реликтом древнетюркских языков.

Путем присоединения к терминам *anika* и *atika* форманта *-j* образуется звательная форма. Однако реально «звательность» в терминах *anikaj* и *atikaj* теперь почти не ощущается. Б. Мункачи в своем удмуртском словаре отмечает форму *an²kaj*, *anakaj* и *at²kaj*¹⁰ в казанском диалекте и считает татарским заимствованием. Нами отмечена форма *añkaj* и *atkaj* у удмуртов северной Башкирии. В других категориях бесермянских слов *j* не обнаруживаем, в отдельных же терминах родства других удмуртских диалектов *j* встречается, например: слоб. *mij*, *mipij*; сев. *mipij*; кос. *tarij* 'мать, мамочка'; сред. *мемей* 'мать', *дядяй* 'отец'; южн. *anaj* 'старшая сестра', *agaj* 'старший брат'; юго-зап. *babaj* 'дед, дедушка по отцу' и т. д.¹¹

⁷ В. Munkácsi, A votják nyelv szótára, Budapest 1896.

⁸ Имеются в виду татары, проживающие в с. Карино Слободского района Кировской области.

⁹ Примеры из тюркских языков в большинстве своем заимствуются нами из указанной статьи Л. А. Покровской.

¹⁰ В. Munkácsi, указ. раб., стр. 20—21, 13.

¹¹ Удмуртско-русский словарь, Москва 1948.

Из других финно-угорских языков форма с конечным *-j* встречается в мордовских терминах родства; эрзя-морд. *babaj* 'бабушка', *avaj* 'мать', *teläj, läj* 'дядя', *alkaj* 'дядя, старший брат отца', *tetej* 'свекор'; мокша-морд. *oçu-dedäj* 'бабка', *dedäj* 'дядя', *atäj* 'дядя, старший брат матери', *polaj* 'жена', *bazäj* 'шурин, старший брат жены', *paldaj* 'свояк'.¹²

Широкое употребление звательной формы с суффиксом *-j* отмечается в тюркских языках: башк. *атый* 'отец', *иней, эсей* 'мать', *аный* 'мачеха; старшая сестра'; *эбей* 'тетя; старуха'¹³; татар. *атай* 'отец', *бабай* 'дед, дедушка'; чув. *акай* (диал.) 'старшая сестра, тетка', *ескей* (диал.) 'деверь', *панай* (диал.) 'старик, дед'; алт. *адай* 'самый старший из родственников'; тув. *ачай* 'отец' (при обращении); казах. *бабай* 'отец'; бурят.-монг. *баабай* 'отец; дед, дедушка'; якут. *эдьий* 'тетка; старшая сестра' и т. д. Современный суффикс *-j* тюркологи считают пережитком некогда существовавшей формы звательного падежа имен существительных. На том основании, что звательная форма довольно часто употребляется при обращении, исследователи вполне резонно отмечают сохранение данной формы именно в терминах родства.

Мы солидарны с утверждением Л. А. Покровской о том, что в словах типа *anakaj, atikaj* и т. д. *-kaj* представляет собой суффикс, состоящий из двух элементов: уменьшительно-ласкательного *-ka* и суффикса звательной формы *-j*.

Вполне возможно, что формы *анèкаj, anakaj, атèкаj*, отмеченные Б. Мункачи в юго-западных удмуртских диалектах, заимствованы непосредственно из татарского языка, поскольку представители указанных говоров находятся в окружении татар.

В бесермянском диалекте наблюдается специфическое употребление терминов *анaj, атаj*. К этим словам может присоединиться суффикс принадлежности *-ze* 3-го лица ед. числа при множестве обладателей: *анajze* 'свекровь' — обращение снохи к своей свекрови (букв.: их мать); *атаjze* 'свекор' — обращение снохи к свекру (букв.: их отец). Подобная форма *анайзы, атайзы* широко распространена в южноудмуртских диалектах: *анайзы* у южных удмуртов сноха называет свою свекровь и обращается к ней; термином *атайзы* сноха обращается к свекру, к отцу своего мужа. В североудмуртских говорах эта форма неизвестна.

Аналогичное явление отмечается в башкирском, татарском, киргизском, узбекском языках, например: башк. *атаһы* — обращение жены к мужу, *эсәһе* или *инәһе* — обращение к жене (в форме 2-го лица ед. числа), татар. *анасы* 'мать' — обращение мужа к жене.¹⁴ Эта диалектная особенность удмуртского языка, по-видимому, также объясняется тюркским влиянием.

Бесермянские термины *анaj, атаj*, принимая суффикс множественного числа *-os, -jos*, как и в других удмуртских диалектах, могут выражать собирательное значение; например: *анajosһе velһi kallala are* 'в этом году я ездила (в гости) к родным' (букв.: к матерям ездила в этом году). В слове *анajosһе* имеется в виду не несколько матерей,

¹² М. Маркелов, Системы родства у угро-финских народностей. — Этнография 1928, № 1, стр. 44—78.

¹³ Х. Г. Юсупов, указ. раб., стр. 125.

¹⁴ Л. А. Покровская, указ. раб., стр. 25.

а совокупность всех членов семьи матери; *atajosñen šedečeki* 'я отдохнул у отца' (букв.: у отцов отдохнул); здесь имеется в виду: я отдохнул (допустим, по дороге) там, где работает отец со своими коллегами; *atajos* воспринимается как 'мой отец и коллектив, с которым он работает'.

Термины *anaj* и *ataj* в бесермянском диалекте употребляются в сочетании с *šur*, образуя новые понятия *šuranaj* 'мачеха' и *šurataj* 'отчим'. В современном языке *šur* как отдельное слово не употребляется. В сочетании с терминами кровного родства *anaj* и *ataj* элемент *šur*, обозначая понятие 'неродной, чужой', образует новые термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровнородственным: *šuranaj* 'мачеха', *šurataj* 'отчим'. Детерминант *šur* в приведенных словах считается чувашским заимствованием. Ю. Вихман удмуртскому *šur* приводит чувашское соответствие *šor*, *šurĭ* 'половина'¹⁵; в современных чувашских словарях указывается: *анне сурри* 'моя мачеха', *атте сурри* 'мой отчим'.¹⁶

Чувашскую фонетическую разновидность *анне сурри* '(моя, наша) мачеха' отмечают С. П. Горский и С. П. Юшков.¹⁷ У Н. И. Золотницкого читаем *азьа-сьорьы* 'отчим', *ама-сьорьы* 'мачеха', *ывыл сьорьы* 'пасынок', *хыр-сьорьы* 'падчерица'.¹⁸ Ю. Вихман приводит следующие сочетания с компонентом *šur* в удмуртском языке: *šur-ajĭ*, *šur-ajĭ*, *šur-ataj* 'отчим', *šur-anaj*, *šur-mumĭ* 'мачеха'. Тут же отмечаются коми-пермяцкие соответствия: *šor-aj* 'отчим', *šor-mam* 'мачеха', *šor-zon* 'пасынок', *šor-niŋ* 'падчерица'.¹⁹ В других финно-угорских языках это *šur* не встречается.

Если *šur* (*šor*) не собственно болгарского происхождения (как известно, чувашский язык составляет болгарскую группу тюркских языков), то, по-видимому, удмуртскими и коми-пермяцкими диалектами он заимствован из чувашского языка еще в эпоху пермской общности, до существования или в период существования древнего государства волжских болгар на Каме и Волге. Общеудмуртское *šur*, коми-перм. *šor*, чув. *сурри* в современных языках самостоятельно не употребляются. В тех удмуртских диалектах, в которых термины *anaj*, *ataj* не употребительны, компонент *šur* аналогичным образом сочетается с соответствующими им лексемами.

Попутно отметим также, что в сочетании с элементом *varm-*, или *warm-*, слово *anaj* (*varmanaj*) в южноудмуртских диалектах означает 'теща, мать жены', *varmataj* 'тесть, отец жены'. О первом компоненте этих слов будет сказано в дальнейшем.

Знаменательно, что в южноудмуртских диалектах в сочетании с прилагательным *pereš* 'старый, старший', которое служит определением к словам *anaj* и *ataj*, образуются новые описательные термины родства *пересь анай* 'бабушка' (букв.: старшая мать), *пересь атай* 'дед, дедушка' (букв.: старший, старый отец). От этих словосочетаний могут образоваться также термины *песянай* 'бабушка' (от *пересь анай*) и *песятай*

¹⁵ Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors 1903, стр. 101.

¹⁶ Чувашско-русский словарь, Москва 1961.

¹⁷ С. П. Горский, С. П. Юшков, Термины родства в чувашском языке (рукопись, любезно предоставленная нам для пользования научным сотрудником Института языкознания АН СССР Л. А. Покровской).

¹⁸ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен, Казань 1875, стр. 141.

¹⁹ Y. Wichmann, указ. раб. стр. 101—102.

'дедушка' (от *пересь атай*) путем выпадения звукосочетания *re* в слове *пересь*; сравните, в говорах удмуртов Башкирии *peršanaj*, *persataj*. Следовательно, путь образования понятия 'бабушка' в указанных говорах таков: *peres anaj* > *peršanaj* > *pešanaj* (и даже: *pešaj* > *pišaj* понятия 'дедушка') — *peres ataj* > *persataj* > *pešataj*.

В значениях 'бабушка' и 'дедушка' описательные термины употребляются также в чувашском, татарском и башкирском языках: чув. *асатте* 'дедушка' (букв.: старший отец) < *аслă атте*; *асанне* 'бабушка' (букв.: старшая мать) < *аслă анне*; татар. *дәү әни* 'бабушка', *дәү әти* 'дедушка', где *дәү* прилагательное 'большой, старший', а *әни* и *әти* — уменьшительная форма слов *анай* и *атай*; башк. *qart ataj* 'дед', *qart inäj* 'бабка' (*qart* < *kart* 'старый'). Аналогичное образование наблюдаем и в некоторых финно-угорских языках. В североудмуртских диалектах эти понятия выражаются особыми терминами.

Бесермянский термин *anaj* может употребляться в сочетании с термином *ataj*. В этом случае образуется сложное слово *anaj-ataj*, или *ataj-anaj*, с новым значением 'родители'. Подобное образование парного словосочетания наблюдается во многих финно-угорских языках, например: коми *бать-мам*, мар.-луг. *ача-ава*, мар.-горн. *әтя-әва*, эрзя-морд. *тетят-ават*, мокша-морд. *тедят-алят*, *терят-алят*, манс. *сяниг-асиг* 'родители'. Подобное образование термина со значением 'родители' отмечается в башкирском, татарском и чувашском языках.

Характерно, что с суффиксом отрицания имен *-tem* (*-tek*) от *anaj-ataj* в бесермянском и в южноудмуртских диалектах образуется особый термин *anajtem-atajtem* или *anajtek-atajtek* 'сирота', т. е. 'без родителей'. В приведенных парных словосочетаниях порядок расположения компонентов не отражается на смысле высказывания.

Кроме указанных особенностей, рассматриваемый термин родства *anaj* может означать самок животных, птиц, а также некоторые виды растений и насекомых.

Как видно из изложенного, *anaj* обладает свойством иметь несколько значений. По всей вероятности, удмуртское понятие *anaj*, как это отмечается авторами и в тюркских языках, в прошлом было более широким — 'мать, родоначальница'. С течением времени оно более конкретизировалось.

В значении 'отец, родитель, предок' в других удмуртских диалектах нами зафиксированы следующие синонимы термина *ataj*: кос. *aj*, *aja*; сев. *aj*, *aji*; тыл., кос. *bubi* 'отец', *fata*, *dada* — как обращение; зав. *dadaaj*, *dadi* (ласк.); шарк. *daja*, *dada*. Термин *aj*, широко распространенный в различных говорах северных удмуртов в понятии 'отец', почти во всех удмуртских диалектах употребляется в сочетании со словом *murt*, образуя новый термин свойства *ajmurt* или *ajimurt* 'свекор', которому в бесермянском диалекте соответствует термин *biatam*. Слово *aj* может сочетаться также с отдельными названиями животных и птиц. Выступая в качестве определений, оно как бы восполняет в этом случае отсутствие в удмуртском языке категории рода и служит для определения их принадлежности полу, например: бес. *aje pars* — удм. *айы парсь* 'боров', бес. *aje dažeg* — удм. *айы зазег* 'гусь' и т. д.

Южноудмуртское *ataj* в указанном значении не употребляется. Б. Мункачи в своем словаре дает следующие сочетания с *ataj*: *ataj-babaj* 'предок, предки, родоначальник': *mi ataj-babajšen ik pudo vordësa uliškom* 'мы еще со времен наших предков держим скот', *ataj-jurt* 'род-

ной дом', *ataj-pi* 'брат, родственник': *mi ataj-pios kün ginä* 'нас братьев только трое', *tüb atajos* 'прадедушка'.²⁰

Корневой термин родства *ata* 'отец' Л. А. Покровская отмечает в татарском, башкирском, чувашском, казахском и многих других языках. Думается, общетюркские *ana* и *ata* были усвоены бесермянами и южными удмуртами в сочетании с суффиксом звательной формы *-j* в виде *anaj, ataj*.

Термины родства *anaj, ataj* в северных диалектах удмуртского языка не употребляются. Они широко распространены в южноудмуртских (в том числе юго-западных) диалектах. Тот факт, что в одинаковом звуковом виде эти термины встречаются лишь в бесермянском и южноудмуртских диалектах, как нам кажется, говорит о бывших связях бесермян с южными удмуртами. В связи с этим уместно сказать и о том, что помимо отдельных лексических соответствий имеется ряд общих фонетических и грамматических черт в языке южных удмуртов и бесермян, что в свое время уже отмечалось удмуртским языковедом и писателем Д. И. Корепановым.²¹ К сожалению, в данной статье невозможно на них остановиться. К тому же напомним, что бесермяне в настоящее время находятся в непосредственном окружении северных удмуртов, в говорах которых общие для бесермян и южных удмуртов своеобразия отсутствуют. Следует учесть и то обстоятельство, что отдельные этнографические особенности бесермян, например тип одежды, также совпадают с южноудмуртскими. Отсюда вытекает вывод о том, что предки современных бесермян жили где-то южнее, на той территории, где были расселены предки современных южных удмуртов.

Вышеизложенное показывает, что бесермянские термины, выражающие понятия 'мать' и 'отец', бытуют в определенных удмуртских диалектах. Они неизвестны другим пермским языкам. Это положение приводит нас к заключению, что термины *anaj* и *ataj* были заимствованы от тюрков в тот период, когда бесермяне и южные удмурты жили поблизости друг от друга на обособленной от северных удмуртов, а также коми-пермяков и коми-зырян территории.

Сокращения

бес. — бесермянский диалект удмуртского языка; **В. Ятчи** — говор с. Варзи-Ятчи Можгинского района Удмуртской АССР; **зав.** — говор с. Завьялово (удм. Дэри) Удмуртской АССР; **кос.** — косинский говор удмуртского языка, распространенный по р. Косе в Зуевском районе Кировской области; **слоб.** — удмуртский говор, распространенный в Слободском районе Кировской области; **ув.** — говор дер. Узей-Тукля (удм. Бызара) Увинского района Удмуртской АССР; **шарк.** — удмуртский говор окрестности с. Шаркан Шарканского района Удмуртской АССР; **шошм.** — шошминский говор удмуртского языка, распространенный по р. Шошме в пограничных районах Кировской области, Марийской и Татарской АССР.

²⁰ В. Мункácsi, указ. раб., стр. 12, 286.

²¹ Д. Корепанов, Бесермяне. — На удмуртские темы. Сб. статей, вып. II, Москва 1931, стр. 99—106.

Т. И. ТЕПЛЯСИНА (Moskau)

DIE UDMURTISCHEN TERMINI FÜR DIE BEGRIFFE 'MUTTER' UND 'VATER'

Der Wortschatz, ebenso wie die ganze Sprache der Bessermänen ist bis jetzt fast gänzlich unerforscht geblieben. Im vorliegenden kurzen Aufsatz behandelt die Verfasserin die Verwandtschaftswörter für 'Mutter' und 'Vater'.

Die Begriffe 'Mutter' und 'Vater' werden im Bessermänischen mit den Wörtern *anaj* und *ataj* weitergegeben. Diese für das Bessermänische typische Terminologie hat direkte Entsprechungen in den südudmurtischen, nicht aber in den nordudmurtischen Mundarten, die an das Bessermänische grenzen. Die Verfasserin ist der Meinung, daß die Wörter *anaj* und *ataj* den türkischen Sprachen schon in jener Zeit entlehnt wurden, als Bessermänen und Südudmurten noch nahe Verwandten waren.

О ГИДРОНИМИЧЕСКИХ ФОРМАНТАХ -НЬГА, -ЮГА, -УГА И -ЮГ

Выбор темы данной статьи имеет принципиальное значение, так как от способа установления принадлежавших гидронимическим формантам решительное значение проблемы этноязыковой принадлежности народа, населявшего древнюю Финляндию.

Выделенная тема гидронта -ньяга (-юга) было впервые достаточно решительно осуществлено А. К. Матвеевым.¹ В его статье имеется большой раздел «Из опыта изучения севернорусской топонимики на -юга».

Содержащая интересный и в определенном плане документальный фактический материал, статья представляет собой и то же время попытку создания своего рода методического руководства по изучению гидронимических названий, в котором дается довольно много вполне приемлемых советов и рекомендаций. Однако при исследовании самого гидронимического материала обнаруживается резкий разрыв между теорией и практикой.

Рассмотрим, как устанавливается в данной статье гидронимический формант -юга. При выявлении топонимического форманта — замечает А. К. Матвеев, — исследователь должен придерживаться принципа строжайшего формального анализа. Топонимический формант должен устанавливаться на основе изучения большого числа собранных фактов. Пренебрежение к топонимическим фактам ведет к потере всякой ориентировки в топонимическом материале.²

Поделившись с Д. Эуроненсом, пытающимся доказать угорское происхождение названий рек на -юга, А. К. Матвеев приходит к выводу, что теория Эуроненса «ложится на предострой стене и не подтверждена фактами».³ Сам же он противопоставляет теории Эуроненса не менее предвзятую схему. Будучи глубоко убежден, что в древние времена на Севере должны быть обязательно представлены финно-угры, он занимает у А. И. Попова гидронимическую структурную схему: существительное в генитиве на *n + joki*, и утверждает, что окончание -ньяга возникло из *n + joki*.⁴ А. К. Матвеева мало смущает тот факт, что сплошное генитивное оформление первых составных частей гидронимов для прибалтийско-финской гидронимики не типично, не говоря уже о других финно-угорских языках, что в финской гидронимике наряду с *Quilajoki* есть гидронимы типа *Kalajoki*, *Sihajoki* и т. д.

¹ А. К. Матвеев, Историко-географические этнонимы. — Ученые записки Уральского гос. университета, вып. 96, Свердловск 1960, стр. 96.

² Там же, стр. 96.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 110.